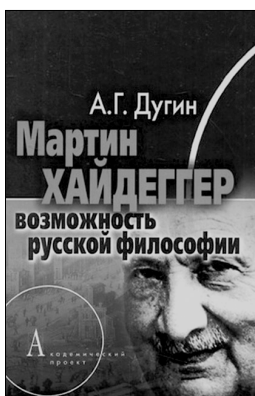
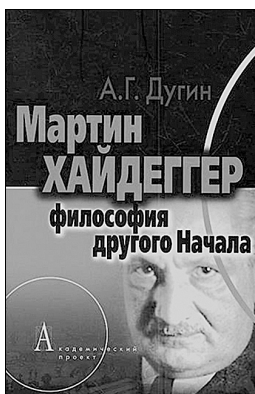

Критика

Александр Дугин.

Мартин Хайдеггер:
философия другого
Начала, 2010. — 389 с.

Мартин Хайдеггер:
возможность русской
философии, 2011. — 500 с.

М.: Академический
Проект; Гаудеамус

Неожиданные приключения

Хайдеггера в России

ВОТ, ОНА ПРИМЕР, О ПРОЕКТ О—О ВСЕРОССИЙСКИЙ 94
ХОРОВОД. О ВЗЯТЬСЯ О ЗА О РУКИ О И О СОВЕРШИТЬ 988
ОГРОМНЫЙ О КРУГ О МЕЖДУ . . . О П С К О В О М О И О В Е Л И— 6
К И М И О Л У К А М И . . . О С А М О Е О П Р А В И Л Ь Н О Е О Д В И Ж Е— 4
Н И Е О—О Э Т О Д В И Ж Е Н И Е О П О К Р У Г У . О Э Т О О С А К— 52
Р А Л Ь Н О Е О Д В И Ж Е Н И Е . О О Н О , О К О Н Е Ч Н О , О Н И К У Д А О
Н А С О Н Е О П Р И В О Д И Т , О Н О О М Ы О Н И К У Д А 8245782082
И О Н Е О Х О Т И М О И Д Т И ! . . . О В М Е С Т О О М О Д Е Р Н И З А Ц И И О
Н А Д О О З А Н И М А Т Ь С Я О Х О Р О В О Д А М И . . . О З А Ч Е М О Н А М
М О Д Е Р Н И З А Ц И Я ? О Л У Ч Ш Е О Н А М О В О Д И Т Ь 244138865
Х О Р О В О Д Ы ! 634198339506762390281505469140
544617781864414367555172498447948125783
И З О П Р О Е К Т А О А Л Е К С А Н Д Р А О Г Е Л Ь Е В И Ч А О Д У Г И Н А 1
П О Р Е Ш Е Н И Ю О В С Е Х О С Т О Я Щ И Х О П Е Р Е Д 9417595254
Р О С С И Й С К О Й О Ф Е Д Е Р А Ц И Е Й О П Р О Б Л Е М ¹864414367

Творчество Александра Дугина очень похоже на упомянутый хоровод: движение по кругу, которое никуда не ведет, поскольку незачем, ведь сам процесс так увлекателен! Практически все книги профессора социологии выстроены по одной простой схеме, а меняются только декорации (от древнеарийской магии до «эпистем» и «ризомы») и, так сказать, интеллектуальные попутчики (от авторов Вед до Хайдеггера). Сама же схема выглядит так. Сначала фиксируется переживаемая современным миром вселенская катастрофа («десакрализация», «вырождение», «нигилизм» и т. д. и т. п.), которая противопоставляется ушедшему «золотому веку», когда у власти стояли настоящие аристократы (священники

1. *postactualidad*. Александр Дугин — Порвать пасть креативному классу // YouTube. 26.01.2012. URL: <https://youtu.be/5mIJ15g7QF8>.

и воины), а кругом была Сакральность, Традиция и прочие блага. Далее по закону жанра (мессианской проповеди, каковой по большому счету являются все произведения Дугина) должен обнаружиться злой дух, из-за которого кончился «золотой век». И он, конечно, обнаруживается — в лице Запада и его агентов, таких, например, как «западник и ликвидатор священного наследия Петр Первый»². Затем, опять-таки по закону жанра, надо найти мессию, который вернет «золотой век». Мессия у Александра Гельевича коллективный — это народы Евразии, собираемые под знамена «консервативной революции» (как механизма возвращения «золотого века») ее пророком и глашатаем (это, понятно, сам Дугин).

Впрочем, окончательной ясности с тем, к кому конкретно в Евразии обращается пророк «консервативной революции», все-таки нет. В разное время субъектом этой революции у Дугина были «православная Русь»³, *Arbeiter*⁴

«ацефал, безголовый носитель креста, серпа и молота, коронованный вечной свастикой солнца»⁵, «крестьяне»⁶ и даже «древние, вечные, онтологические архетипы», которые «выйдут на поверхность и страшным образом покончат с игрой»⁷. Но, с другой стороны, точное определение субъекта «консервативной революции», похоже, и не требуется: «евразийство, по сути, есть гносеологический плюрализм»⁸. Или, если еще проще, без всяких «гносеологических плюрализмов»: как сказано в манифесте «Арктогеи», руководимого Дугиным интернет-портала, «противостояние власти атлантической „империи зла“, США, и либерально-капиталистической модели следует приветствовать во всех формах и в любых сочетаниях»⁹.

ского индустриального труда, в центре нигилизма XX века, обнаруживает в себе самом таинственную точку опоры, которая выводит его по ту сторону „ничто“, к стихиям спонтанно пробужденной внутренней сакральности» (*Der Arbeiter (об Эрнсте Юнгере)*) // Тамплиеры Пролетариата (национал-большевизм и инициация). М.: Арктогея, 1997. URL: <http://www.arcto.ru/article/79>).

5. Метафизика национал-большевизма // Тамплиеры Пролетариата. URL: <http://www.arcto.ru/article/73>.

6. «Только так мы сможем победить Мирового Змея, Змея Запада — проломив его рептильный череп крестьянским плугом, как это сделал когда-то индийский Индра» (Царский крестьянский труд // Тамплиеры Пролетариата. URL: <http://www.arcto.ru/article/83>).

7. Логос и мифос. Социология глубин. М.: Академический Проект; Трикста, 2010. С. 242.

8. Там же. С. 243.

9. Манифест Арктогеи. URL: <http://www.arcto.ru/article/46>.

2. Дугин А. Г. Абсолютная Родина. М.: Арктогея-Центр, 1999. С. 666. Далее по тексту цитируются работы Александра Дугина.
3. Там же. С. 420.
4. «„Труженик“, *Der Arbeiter* — это центральный тип всех тех политических, творческих, интеллектуальных и философских движений, которые, несмотря на их разнообразие, объединяются в понятии „Консервативная Революция“. „Труженик“ — главный герой этой Революции, ее субъект, ее экзистенциальный и эстетический стержень. Речь идет об особом типе современного человека, который в предельном критическом опыте профанической реальности, находясь в самом сердце технократического бездушного механизма, в железных недрах тоталитарной войны или ад-

Другая, куда более серьезная проблема заключается в том, что решительно непонятно, что и как надо делать коллективному мессии для того, чтобы вернуть Традицию. Цель Александр Гельевич обрисовывает достаточно четко:

Вырвать из структуры мира
корень зла, упразднить время как
деструктивное свойство реально-
сти, исполнив какой-то тайный,
параллельный, неочевидный
замысел самого Божества¹⁰.

Endkampf und Endsieg («Времени больше не будет»)¹¹. Но вот как упразднить время?

Надо сказать, что Александр Гельевич и сам этого точно не знает. Например, вышеупомянутые хороводы нужно водить потому, что «модернизация — это движение куда-то, а мы еще не знаем, куда нам идти». Или как вариант: «Мы... не знаем, куда идти, потому что впереди *rien ne luit*, „ничего не светит“»¹². Да и вообще: «Ничего внятного и вразумительного относительно надвигающейся новой парадигмы постмодерна мы сказать не в состоянии»¹³.

И потому весьма разумной для упразднителей времени оказывается стратегия выжидания, то есть ожидание наступления того момента, когда «консервативная революция» произойдет сама по себе.

Приблизительно нечто подобное представляют себе консервативные революционеры: пусть шутство постмодерна идет своим чередом, пусть оно размоет определенные парадигмы, эго, суперэго, логос, пусть вступят в дело ризома, шизомассы и расщепленное сознание, пусть ничто увлечет в себя все содержание мира, *тогда-то...*¹⁴

И вот «тогда-то» либо «онтологические архетипы выйдут на поверхность», либо «Пролетарий проснется. Восстанет. Убьет»¹⁵.

Покуда же никто не вышел и не восстал, можно заниматься «идеологической работой», запечатлевая ее результаты, как сказано в уже упомянутом манифесте «Арктогеи», «в книгах, публикациях, программах, выступлениях, статьях». Каковые книги, публикации и статьи традиционно начинаются с того, что «катастрофа налицо»¹⁶... Ну и так далее, по представленной выше схеме. Философско-мистическо-метафизический (и Бог еще знает какой) хоровод заходит на новый круг.

Но вот в недавно опубликованных работах Александра Гельевича (включая рецензируемые «Мартин Хайдеггер: философия другого Начала» и «Мартин Хайдеггер: возможность русской философии») появляется новая, весьма неожиданная мысль: наступление *Endsiege* должно произойти через изучение трудов Хайдеггера. Таким образом, является более или менее четкий план

10. Логос и мифос. С. 239.

11. Манифест Арктогеи.

12. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М.: Евразийское Движение, 2009. С. 32.

13. Там же. С. 60.

14. Логос и мифос. С. 241.

15. Тамплиеры Пролетариата. URL: <http://www.arcto.ru/article/82>.

16. Постфилософия. С. 21.

действий по свержению «власти атлантической „империи зла“». Вот этот план:

Усвоение Хайдеггера является главной стратегической задачей русского народа и русского общества в ближайшей перспективе. Постигание Хайдеггера — ключ к русскому завтра. Если мы с этим не справимся, мы обречены. Если справимся, у нас появляется шанс. Таким образом, развертывание хайдеггерианских штудий в современной России является приоритетной задачей для всего русского гуманитарного образования. В этом смысле вполне уместной является максима: «Хайдеггер — все, остальное — ничто». Пусть она утрирована, зато не оставляет иллюзий, что можно как-то еще. Больше никак нельзя¹⁷.

Гениальный план Александра Гельевича очень напоминает строки из фантастического рассказа (а проще говоря — постмодернистского дуракаваляния) отечественного писателя Виктора Пелевина. В «Откровении Крегера» Пелевин, скажем так, шутит (с постмодернистской лукавой серьезностью), что в «мистической системе Молотова и Кагановича» название произведения Ленина «Лев Толстой как зеркало русской революции» имело два толкования. «Тезис Кагановича» заключался в том, что эту фразу надо понимать буквально.

Такая установка влечет за собой следующий вывод: манипулируя

17. Мартин Хайдеггер: возможность русской философии. С. 455.

отражающим русскую революцию зеркалом, можно добиться перемещения ее отражения на любое другое государство, что приведет, по законам симпатической связи, к аналогичной революции в выбранной стране.

Однако Молотов

... пришел к выводу, что зеркальность Льва Толстого является духовно-мистической и рефлектирующая функция может быть осуществлена с помощью издания нового собрания сочинений писателя, коэффициент отражения которого будет увеличен за счет исключения идеологически неприемлемых работ вроде перевода Евангелий.

Как известно, Виктор Пелевин осведомлен о творчестве Александра Гельевича и даже упоминает о нем в своих произведениях как о «бородатом философе Дупине, очень умном мужчине кроме всяких шуток». Надо полагать, что и Александр Гельевич также почитывает Пелевина и даже берет на вооружение описываемые Пелевиным методы для того, чтобы реализовать на практике «какой-то тайный, параллельный, неочевидный замысел самого Божества». В самом деле, велика ли разница между осуществлением «рефлектирующей функции» Льва Толстого с помощью издания нового собрания сочинений и утверждением, что «постигание Хайдеггера — ключ к русскому завтра»? И разве не органично вписалась бы в пелевинский текст такая вот дугинская картина воздействия «пости-

жения Хайдеггера» на российскую действительность:

Археомодерн [согласно Александру Гельевичу — корень всех российских бед¹⁸] затрещит по швам, начнет лопаться, его структуры станут осыпаться, как осенние листья... Из-под насквозь прогнившей надстройки покажется само русское Начало... Это русское Начало будет глубинным и всеобъемлющим, как гигантский, застилающий горизонт земляной шар... Этот момент уже записан в анналах хаоса и в принципе состоялся, но приблизить его или отложить — это зависит от нас¹⁹.

Людам, склонным к научному мышлению да и просто здравомыслящим, все это может показаться странным. Но во вселенной, где живет Дугин, действует закон, согласно которому «политика есть следствие философии — обрат-

18. Термин „археомодерн“ описывает ситуацию, когда социальная модернизация осуществляется не естественно и органично, накапливая предпосылки в глубине общественных процессов, но навязывается сверху волевым образом, причем за модель модернизации берутся социокультурные и социополитические образцы, скопированные с обществ с совершенно иными историей, типом, находящихся в других фазах своего развития (да и само развитие может происходить в разных направлениях). Такая „модернизация“ является экзогенной, а не эндогенной и не трансформирует глубинную структуру подвергающегося модернизации традиционного общества, а лишь искажает ее» (Там же. С. 45).

19. Там же. С. 459.

ное же неверно»²⁰. В этой вселенной Германия проиграла мировую войну потому, что не было «осмысления сущности *Machenschaft* и ее интерпретации в контексте истории западной метафизики»²¹. Ну а почему тогда в этой вселенной не может возникнуть гигантский, застилающий горизонт земляной шар «Русское Начало» как результат того, что вся страна в едином порыве начнет читать и постигать Хайдеггера? Разве это менее вероятно, чем решение всех российских проблем в результате вождения хоровода между Псковом и Великими Луками?

По этим же причинам не стоит ожидать того, что Александр Гельевич будет как-то рационально оправдывать свой выбор философии Хайдеггера на роль спасителя России и всего мира от заразы атлантизма. Тут все дело в доверии: Хайдеггеру надо *довериться*.

Если нам довериться Хайдеггеру, мы получим именно то, что нам необходимо в качестве предпосылки для живого философского мышления. <...> Вопрос, доверять или не доверять истории философии Хайдеггера, таким образом, остро стоит именно для тех, кто задумывается о возможности русской философии, и выбор «не доверять» представляется еще более сложным и проблематичным, чем доверять²².

Ну, то есть доверять сложно и проблематично, но *нужно*. Потому что альтер-

20. Там же. С. 7.

21. Мартин Хайдеггер: философия другого Начала. С. 216.

22. Мартин Хайдеггер: возможность русской философии. С. 11, 15.

натив нет: Хайдеггер «велик, гениален и ослепительно мудр» и «никакого, даже отдаленно сопоставимого с Хайдеггером мыслителя нам не видится»²³.

А если кто с этим не согласен, тот безнадежно испорчен «археомодерном» (тем самым, от которого происходят все российские беды), и потому с ним вообще не о чем разговаривать:

Возможность сомневаться в адекватности выбора фигуры Хайдеггера проистекает из археомодерна... Мы ищем пути преодоления археомодерна, возможности выхода за его границы. Тот, кто не солидарен с этой инициативой, просто не должен приниматься в расчет²⁴.

В сущности, смысл рецензируемых книг Дугина можно уложить в один абзац. «Катастрофа налицо». Из-за археомодерна, который есть «нечто среднее между диверсией правящего класса и саморазрушительным мазохизмом общества в целом»²⁵, все «очень плохо» (и даже русской философии как таковой не существует и не существовало). Чтобы избавиться от археомодерна, надо, основываясь на правильном понимании Хайдеггера, понять разницу между «европейским *Dasein*» и «русским *дазайн*» (пишется именно кириллицей, поскольку в этом его русскость!). Это приведет к возникновению русской философии (философии хаоса), которая определит политику и обусловит появление гигантского земляного шара «Русское Начало». Конечно, шар все равно появится, но так он появится гораздо быстрее.

23. Там же. С. 146–147.

24. Там же. С. 147.

25. Там же. С. 46.

Аргументация проста (вернее, она отсутствует). Тот, кто не согласен с Александром Гельевичем, не разбирается в философии:

Русские, пребывая под давлением археомодерна, неспособны в силу самого этого факта понять западноевропейскую философию, и эта неспособность, по правилам археомодерна, выражается в их уверенности, что они на все очень даже способны²⁶.

А на тот случай, если кто-нибудь скажет, что представленная концепция ненаучна, припасено особое откровение о ничтожности научного знания:

Ученый! Это он Вольтера начитался, наверное... Науки придумали прямые предки глобалистов. Пол Фейерабенд убедительно доказал, что просветители — и особенно Галилео Галилей — все свои опыты подделали. Наука основана на пиаре, внушении и подделках²⁷.

На этом я закончу изложение содержания сочинений Александра Гельевича, поскольку рациональная критика оных невозможна по причинам, указанным выше, и ограничусь только двумя замечаниями, которые, на мой взгляд, сделать необходимо.

Во-первых, надо отдать должное Александру Гельевичу: как исследователь философии Хайдеггера он превзошел многих отечественных «официаль-

26. Там же. С. 144.

27. Поп-культура и знаки времени. СПб.: Амфора, 2005. С. 265.

ных специалистов» по творчеству немецкого философа вроде культуролога Владимира Библихина. Трудно не согласиться со следующими словами Дугина:

Представляется, что Библихин и его единомышленники на самом деле горячо увлеклись Хайдеггером, но кроме этой горячности в переводах и изложении Хайдеггера ничего нет. Читать их невозможно совершенно, так как эти тексты очень много сообщают о состояниях, стараниях и страданиях самого Библихина и его коллег-переводчиков, но практически ничего, кроме случайных совпадений, не говорят о Хайдеггере либо дают такую картину, от которой волосы становятся дыбом²⁸.

С другой стороны, исследовательская позиция самого Дугина весьма специфична — в том смысле, что он ищет (и находит) у Хайдеггера только то, что совпадает с его собственными идеями. А все то, что явным образом с этими идеями не совпадает, объявляется своего рода шифрограммами, помещенными «в гуманитарный контекст, где под влиянием внешних факторов были цензурированы и самоцензурированы темы второго периода»²⁹ (то есть периода творчества Хайдеггера, который наиболее подходит для целей и задач самого Дугина). Такой избирательный подход, конечно, никакого отношения к историко-философской науке не имеет, но от Дугина как от идеолога ожидать ничего другого, наверное, и не приходится.

28. Мартин Хайдеггер: философия другого Начала. С. 13–14.

29. Там же. С. 216.

Во-вторых, я хотел бы отметить вот что. Александр Гельевич часто пишет о постмодерне, и в весьма негативном ключе, хотя, как уже отмечалось выше, четких определений «ситуации постмодерна» он избегает. Что, однако, не мешает ему давать иногда довольно ясные и убедительные описания постмодерна. Например, такое:

Из смешения — невозможного ни в парадигме премодерна, ни в парадигме модерна как таковых — складывается стиль постмодерна. В итоге мы получаем вначале ироничное, провокационное, откровенно эпатажное, напоминающее дадаизм или сюрреализм напластование парадигм премодерна и модерна³⁰.

Да, несомненно, такое эпатажное совмещение несовместимого, причем, как правило, в ироническом ключе, является одной из отличительных черт постмодерна. И именно потому, если бы меня попросили проиллюстрировать ситуацию постмодерна конкретными примерами, я бы сказал: ситуация постмодерна — это когда Александр Дугин заведует кафедрой социологии международных отношений факультета социологии МГУ, а Иван Охлобыстин является священником православной Церкви.

В самом деле, только в ситуации постмодерна возможно, чтобы завкафедрой социологии международных отношений главного вуза страны на полном серьезе утверждал, что

30. Постфилософия. С. 65.

... вот человек повернул кепку назад, одел широкие штаны, пошел. Что это значит? Он находится в состоянии одержимости духом атлантизма. Он служит Левиафану... Самые страшные гетто будут созданы для серфингистов... Нет ничего более отвратительного, чем катание с белозубой улыбкой на этой омерзительной доске. Больше здесь сказать нечего. Самое главное сказано. Кто не понял, ему уже ничего не поможет. Ничего³¹.

Или, например, что «клонирование еще пока не поставлено на поток. Вот только в Китае, говорят, уже клонируют всю. Откуда их, кстати, столько?»³²

Как бы Александр Гельевич ни ругал постмодерн, он сам является его порождением, хотя и тщательно скрывает это с помощью традиционалистской риторики. Но дугинский постмодернизм проявляется даже на уровне символов. Например, Евразийский союз молодежи (структура в рамках Международного Евразийского движения, возглавляемого Александром Гельевичем) использует в качестве символа «знак хаоса», придуманный писателем-фантастом Мурком и популяризованный в 1980-х годах адептами «магии хаоса» из группы «Иллюминаты Танатэроса», а также издателями игры *Warhammer*, где силам Империи (в котором легко угадывается совокупный Запад) противостоят силы Хаоса. И как тут не вспомнить о провозглашаемой Дугиным «русской филосо-

фии хаоса», в которой будут рассматриваться «существа хаоса: камни, растения, звери, люди, духи хаоса... Русские как народ хаоса. Русские как носители природы хаоса. Русские как философы хаоса»³³?

Собственно, это вполне себе такой постмодернистский *лаптиш* (смешение фэнтези, оккультной литературы, религии, алхимии, философии и компьютерных игр), задачей которого является развлечение скучающих людей. Тот же самый дугинский Евразийский союз молодежи, которым лет десять назад пугали друг друга представители «либеральной общественности», оказался в итоге существующим главным образом в интернете постмодернистским симулякр, который то распускается, то возрождается, то грозитя вывести на улицы 150–200 тысяч «опричников», а когда дело доходит до дела, выводит 50–60 скучающих подростков. Вся эта *игровая* ситуация вполне может быть описана словами самого Александра Гельевича: «Нам скучно. Не то чтобы „модерн неправ“. Нам безразлично, прав „он“ или нет. Нам просто скучно»³⁴. «Никакой веры в постмодерне ни у кого на самом деле нет»³⁵.

В заключение хотелось бы привести еще одну цитату из книги Александра Гельевича, которая, на мой взгляд, великолепно характеризует его творчество:

В интеллектуальной сфере это традиционное русское [я бы сказал, правда, «современное постмодернистское». — А. А.] иронизирование над мыслью привело к накоплению

31. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века.

СПб.: Амфора, 2009. С. 271.

32. Постфилософия. С. 91.

33. Мартин Хайдеггер: возможность русской философии. С. 458.

34. Постфилософия. С. 66.

35. Там же. С. 651.

слишком больших издержек. И сегодня пробиться к тому уровню, где мы мыслим, а не валяем дурака (каким бы сакральным это «дуракаваляние» ни было), чрезвычайно сложно, если вообще возможно³⁶.

36. Там же. С. 21.

Алексей Апполонов

Растворение в повседневности

Франко Моретти.
Буржуа: между историей
и литературой / Пер.
с англ. И. Кушнаревой.
М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. — 264 с.

В своей новой книге известный итальянский литературовед Франко Моретти взялся за задачу сколь актуальную, столь и, кажется, безнадежную. Он вознамерился ответить на вопрос: куда в наше время, когда «капитализм силен как никогда», подевался, собственно, герой и субъект капитализма, владелец капитала — буржуа? Точнее будет сказать, впрочем, что эту тему автор заявил в предисловии, в то время как книга в целом, скорее, занята другим: она показывает (преимущественно на примере художественного текста), как рождается и в чем состоит идеология буржуа. Тем не менее к вопросу о судьбе этого класса Моретти, как дипломированный литературный критик-марксист, возвращается постоянно, не настаивая вместе с тем на его актуальности. Еще во введении автор признается, что современность знает плохо, так что никаких актуальных выводов делать не станет. И безукоризненно держит слово: книга заканчивается Ибсеном.

К решению поставленной задачи Моретти идет через литературный текст. Полагая, что литература — место, где «разрешение диссонансов бытия» (как Лукач определял форму в «Теории романа») сохраняется в относительной неприкосновенности, он утверждает, что «обратная разработка» (*reverse engineering*, не путать с деконструкцией) литературных произведений с помощью анализа форм позволяет понять, решению каких задач эти формы служили, когда были актуальными. (Во введении Моретти сообщает, что намерен в числе прочего показать «то, например, как такое слово, как „комфорт“, намечает контуры легитимного буржуазного потребления или как темп повествования при-